

Глава 7. Красавец и добряк Цю Бодэн

Одиннадцатый господин Лу ещё никогда не слышал угроз от кого-либо, кроме своих старших братьев. Его рыдания застряли в горле — ни выдохнуть, ни проглотить.

— Не плачь, — посоветовал Цзо Юэшэн. — Этот парень и вправду тебя изобьёт, он всегда был немного...

Лу Цзин вытер лицо и пнул толстяка.

— А-а-а! — взвыл Цзо Юэшэн. — Это он тебя ударил, а не я!

— Я! Не! Плакал! — злобно прорычал Лу Цзин. — Это ветер! Никогда не видел, чтобы от ветра глаза слезились?!

— Ну и ветер, — усмехнулся Цю Бодэн. — Даже листика с дерева сдуть не может.

Цзо Юэшэн, связанный, как кокон, впервые в жизни обнаружил, что из собачьей пасти молодого господина Цю может выйти что-то дельное. Он не удержался и фыркнул. Увидев, что Лу Цзин снова замахивается, он поспешно закричал:

— Стойте! Я не выбросил те перья! Отпустите меня! Я пойду с вами искать!

Цю Бодэн, помня о «парфюмерной мести», не забыл дать указание Лу Цзину, который возился с золотой сетью:

— Развяжи ему только руки, чтобы он мог достать вещи.

— Вот они.

Цзо Юэшэн, весь в синяках, высунул голову и руки из сети. Порывшись с полминуты в своей сумке из горчичного семени, он извлёк длинный ларец. Внутри лежало несколько серых перьев.

Оказывается, в тот день Цзо Юэшэн, «купив» подвеску Инь-Ян у Лу Цзина, решил, что сорвал большой куш, и по дороге не удержался, чтобы не достать её и не полюбоваться. Он так увлёкся, что не заметил, как с неба спикировала птица и сшибла его с ног. Ограбление человеком — это одно, можно было бы выследить и отомстить, но быть ограбленным птицей... куда её потом искать?

Кто знает, куда она улетела.

— А ты их сохранил? — Цю Бодэн, присев, взял самое длинное перо.

— Я тоже её ищу, ясно? — пробормотал Цзо Юэшэн.

Он показывал эти перья Лоу Цзяну, но тот лишь нетерпеливо отмахнулся, сказав, что Павильон Гор и Морей коллекционирует небесные материалы и земные сокровища, а не всякий мусор с дороги, и чтобы он не тащил к нему всякие куриные и утиные перья, думая, что сможет их продать.

Кстати, куда подевался этот негодник Лоу Цзян?

Цю Бодэн поднял перо к свету и медленно повертел.

Стержень был длинным, само перо — в три раза длиннее его предплечья. Должно быть, это маховое перо первого порядка. Судя по длине, птица была хищной. Неудивительно, что она смогла одним ударом сбить Цзо Юэшэна.

— Какое действие у твоей подвески Инь-Ян? — спросил он у Лу Цзина.

Лу Цзин, подражая Цю Бодэну, долго пялился на перо, но ничего не разглядел. Услышав вопрос, он рефлекторно начал цитировать:

— Небо и земля разделяются, чтобы соединить инь и ян, жизнь и смерть сменяют друг друга, дух и тело пребывают в гармонии, скрываясь в белом и устремляясь в синее...

— Стой! — Голова Цю Бодэна пошла кругом. — Говори по-человечески!

— Зимой руки греет, летом — охлаждает.

Щёки Цзо Юэшэна дрогнули. Он не выдержал:

— Уважай сокровища, а? Подвеска Инь-Ян содержит в себе сущности «жизни» и «смерти», она способна собирать духовную энергию неба и земли. В мирное время помогает в совершенствовании, а при ранении — ускоряет исцеление. А ты говоришь, как о булыжнике каком-то?!

Лу Цзин, услышав, что толстяк снова осмеливается подавать голос, дёрнул за верёвку сети и пнул его.

Цзо Юэшэн тут же замолчал.

— Вот и всё, — Цю Бодэн бросил перо Лу Цзину. — Раненая хищная птица, приземлившаяся в месте с самой сильной духовной энергией дерева Фу.

Лу Цзин, отпустив верёвку, кое-как поймал перо.

— Откуда ты знаешь?

— Ты никогда птиц не держал? — Цю Бодэн посмотрел на Лу Цзина с выражением, которое ясно говорило: «Как можно, будучи повесой, не увлекаться подобными вещами?». — Их перья легко изнашиваются. Если птица не стара и не больна, она каждый день смазывает перья жиром из копчиковой железы, чтобы они были блестящими. Эти же перья тусклые, особенно это, главное маховое. Бородки спутаны и высохли. Но...

Цю Бодэн оценил габариты Цзо Юэшэна.

— ...раз она смогла сбить его, значит, дело не в старости, а в ранении.

Лу Цзин понял лишь половину, но ухватил главное:

— Значит, если мы залезем на дерево Фу, то найдём её?

— Птицы и звери чувствуют энергию неба и земли лучше людей. Она украла подвеску, потому что почувствовала в ней полезную для себя энергию. Получив предмет, ускоряющий сбор энергии, она, естественно, отправится в самое богатое ею место. Где ещё, кроме древнего дерева Фу, такое найти? Впрочем, Цзо толстый был лишь оглушён, даже царапины не получил. Характер у неё, видимо, неплохой. Принеси ей какие-нибудь целебные пилюли, и она, скорее всего, вернёт тебе подвеску.

Сказав это, Цю Бодэн помолчал и, глядя на ошеломлённых Цзо Юэшэна и Лу Цзина, удивлённо спросил:

— Что вы застыли?

— Аплодируйте!

Цзо Юэшэн, Лу Цзин: ...

Зарождавшееся было восхищение мгновенно рассыпалось в прах!

— Стойте! — быстро среагировал Цзо Юэшэн. — Ты хочешь залезть на священное дерево Фу?

— А что ещё? — с беспокойством спросил Цю Бодэн. — Ты собираешься прыгать под деревом и кричать, чтобы она слетела и вернула подвеску брату Лу? Тоже вариант.

— Да разве она услышит? Нет, — Цзо Юэшэн вернулся к главному. — Проблема в том, что если вы полезете на дерево, за вами будет гоняться весь город!

— Не «вы», — поправил Цю Бодэн, — а «мы».

— Молодой господин Цю! Мой господин! Родной мой господин! Жителям Фу правда не нравится, когда кто-то лазает по священному дереву. Они считают это великим неуважением, — лоб Цзо Юэшэна покрылся испариной.

— Погоди, — прервал его Цю Бодэн. — Что-то не сходится. Когда это на дерево Фу стало нельзя лазать? Я помню, читал в «Записках о путешествии на юг», что Цю Минцзы, прибыв в город Фу, видел, как «резвятся дети, группами по трое и пятеро, на ветвях и под деревом, развешивая цветные ленты и фонари, люди и дерево веселятся вместе».

Цзо Юэшэн замер.

— «Записки о путешествии на юг»? Эту нудную писанину моего прадеда? Ты читал?

— Твой прадед написал? — оживился Цю Бодэн. — А остальные три части? В последнем томе было сказано, что они скоро будут опубликованы. Опубликовали?

— Какое там опубликовали! «Записки о путешествии на юг» напечатали тиражом в два миллиона экземпляров, а продали меньше тысячи. Моя прабабка так разозлилась, что назвала его бездельником, умеющим только деньги транжирить, и сожгла остальные три части.

— Стойте! — Лу Цзин изо всех сил пытался вернуть разговор в прежнее русло. — Мы же о священном дереве говорили?

— Ах, да, — опомнился Цзо Юэшэн. — Разрешали лазать — это когда было? Триста лет назад старый городской оракул решил, что не подобает детям скакать по священному дереву, и запретил. Со временем это стало таким же табу, как и ломать ветви.

— А священное дерево в курсе, что у него теперь столько «правил»? — спросил Цю Бодэн.

— Жирдяй, хватит болтать, ты что, струсил? — мрачно спросил Лу Цзин. — Говорю тебе, не отвертись! Если мы сегодня не найдём подвеску Инь-Ян, я из тебя птичий помёт сделаю!

— Н-но... но что, если птица улетела с подвеской в другое место? — предпринял последнюю попытку Цзо Юэшэн.

— Ты дурак или птица дура, чтобы раненой летать сквозь туман миазмов? — прошипел Лу Цзин.

— Ладно, не заставляй его, — посоветовал Цю Бодэн.

Цзо Юэшэн замер.

Неужели у Цю бывают проблески доброты?

Цю Бодэн был сама любезность:

— Птицы живут нелегко, не стоит кормить их испорченной свиной...

Шух.

Цзо Юэшэн откатился в сторону. Холодный, сверкающий меч вонзился в землю рядом с его лицом. Ещё мгновение — и его голова была бы пронзена. Он закричал от ужаса.

— ...лучше просто прирезать, — закончил Цю Бодэн.

Лу Цзин, наблюдая, как Цю Бодэн с улыбкой вытаскивает меч, готовый в любой момент снова пустить его в ход, нервно сглотнул. Места, по которым его били, внезапно похолодели. Ему показалось... что угроза Цю Бодэна на самом деле звучала не «ещё раз заревёшь — изобью», а «ещё раз заревёшь — убью»?!

В первый же месяц своего побега из дома одиннадцатый господин Лу познал то, что брат называл «коварством мира».

Кругом обманщики, повсюду сумасшедшие. Коварный мир, брат не обманул.

Лу Цзин захотел домой!

— Иду, иду! — закричал Цзо Юэшэн. — Кто, если не я, сойдёт в ад!

Цзо Юэшэн вёл Цю Бодэна и Лу Цзина по лабиринту узких улочек.

Никто не знал, по какому принципу были устроены улицы и переулки города Фу. Они переплетались, разветвлялись, образуя настоящий лабиринт. В некоторых местах было так

темно, что становилось жутко. Лу Цзин сначала хотел дождаться своих телохранителей, но Цзо Юэшэн спросил, не хочет ли он, чтобы их, едва они залезут на дерево, заметила целая толпа и устроила ещё более весёлую погоню? Лу Цзин замолчал и отказался от этой идеи.

— С Лу Цзином всё понятно, — не унимался Цзо Юэшэн, оправившись от страха. — А вы-то что, молодой господин Цю? Раньше за вами такой активности не наблюдалось.

Цю Бодэн, заложив руки за голову, лениво шёл следом. Меч Тайи, которого он использовал и бросил, угрюмо парил рядом, время от времени с досадой толкая его в локоть. Лу Цзин впервые видел меч, который «ходил» сам по себе, и с любопытством наблюдал за ним.

— Раньше что? — услышав слова Цзо Юэшэна, Цю Бодэн с улыбкой поднял глаза. — Разве я не всегда был красив и добр душой?

— ...

Красавец и добряк Цю Бодэн?

Цзо Юэшэна чуть не стошнило.

— Птица, которая смогла тебя сбить, должно быть, обладает разумом. Посмотрим, может, удастся пригласить её со мной в школу Тайи, — Цю Бодэн вспомнил общипанного феникса одного из старейшин. — Я тут недавно случайно подпалил хвост фениксу старейшины Е. Этот старик теперь каждый день приходит ко мне и ноет, что без хвоста не может найти своей птице жену.

— Уродство — это проблема, — согласно кивнул Лу Цзин. — У моего второго брата есть черепаха, чёрная-пречёрная, до сих пор без жены. А у третьего брата — ворон, тоже до сих пор холостой.

— Ну, если с этой птицей не выйдет, познакомим её с вороном твоего брата, — весело предложил Цю Бодэн.

— Эй, эй! Не надо так бездумно сводничать! Проявите уважение к фениксу, это же божественная птица! — возмутился Цзо Юэшэн.

— А чем они отличаются? — возразил Лу Цзин. — И вообще, мы же на дерево лезем, зачем ты так далеко нас завёл?

— Брат Лу, ты мой родной брат, — чуть не плача взмолился Цзо Юэшэн. — Можно потише? Воры, когда идут на дело, разве кричат заранее: «Я иду воровать!»?

— О-о-о, — впервые идя на дело, неопытный Лу Цзин смутился. — Прости, прости, я не знал.

Цю Бодэн искоса посмотрел на него, подумав, что этот парень — непроходимый дурак.

Неудивительно, что его так легко обманули с подвеской.

— Дерево Фу такое огромное, оно накрывает весь город. Вы что, на стадии Постижения Дао или Защиты Закона? Можете одним взглядом определить, где духовная энергия самая сильная? — Цзо Юэшэн огляделся по сторонам и, убедившись, что никого нет, вздохнул с облегчением. — Или вы собираетесь искать до скончания веков?

Из троих самым высоким уровнем совершенствования обладал Лу Цзин — начальная стадия Укрепления души.

Впрочем, его стадия была раздута до размеров океана. Его отец годами вливал в него всевозможные странные лекарства. Он мог высоко прыгать и быстро бегать, но если доходило до настоящего боя... лучше не упоминать.

— Ты хочешь найти проводника? — с подозрением спросил Цю Бодэн. — Ты же сам сказал, что на священное дерево лазать нельзя.

— Люди из Ведомства городских оракулов могут. Они — часть дерева, а не просто люди, — сказал Цзо Юэшэн. — Никто не знает священное дерево лучше них.

На этот раз Лу Цзин набрался опыта:

— погоди, ты ищешь человека из Ведомства? Это уже не воровство с предупреждением, а добровольная явка с повинной!

— Его давно выгнали из Ведомства, — остановился Цзо Юэшэн и повернулся к Лу Цзину. — Почти пришли, вон тот полуразваленный двор. Теперь самое главное: этот парень хоть и изгнан, но в душе всё ещё считает себя оракулом. Так что уговорим мы его стать нашим проводником или добровольно сдадимся властям — зависит от тебя.

— От меня? — Лу Цзин удивлённо вытаращил глаза. — Но я же его не знаю!

— Нет.

Цзо Юэшэн был очень серьёзен.

— Это зависит только от тебя.

— Матушка-а-а!

— Сын ваш непутёвый! Я даже последнюю вещь, что вы мне оставили, не сберёг!

— Матушка-а-а!

Из небольшого дворика доносились рыдания, такие горестные и искренние, что у всякого, кто их слышал, сжималось сердце.

Лу Цзин в белых одеждах, вцепившись в ногу худощавого темноволосого юноши, рыдал навзрыд. Юноша, одетый в потрёпанную коричневую куртку, держал в руке серп для травы. Он изо всех сил пытался оттолкнуть эту прилипшую к нему грязь:

— Я! Тебе! Не! Мать!

— Матушка-а-а!

Лу Цзин, помня наставления толстяка Цзо, не обращал внимания на его слова и продолжал рыдать, да так, что казалось, небо и земля содрогаются.

Цю Бодэн выскользнул за покосившиеся ворота. Одной рукой он оперся о стену, другой — о живот, и его плечи беззвучно сотрясались от смеха.

Придумать такое мог только этот гений, толстяк Цзо.

— Матушка-а-а!

Лу Цзин рыдал с таким чувством, с таким самозабвением.

— Толстяк Цзо! — в ярости кричал темноволосый юноша. — Какого чёрта ты притащил сюда! Убирайся к дьяволу!

Цзо Юэшэн, давась смехом до красных пятен на лице, выдавил из себя пару крокодиловых слёз и картинно вытер их:

— Брат Е, мы же не дерево рубить собираемся, а просто хотим найти реликвию. Помоги нам, будь другом, проведи. Смотри, какой он несчастный, жить не хочет, ещё, не дай бог, головой об стену ударится. Это же человеческая жизнь!

Цю Бодэн, снаружи давясь от смеха, решил отойти подальше, чтобы не испортить атмосферу.

— Е Цан, говори, поможешь или нет? Если нет, этот парень и вправду убьётся прямо перед тобой.

Цю Бодэн, собиравшийся отойти, замер.

«Е Цан?»

Это же главный герой «Хроник Богов»! Почему он в городе Фу?

В книге главный герой появлялся как ученик школы Тайи.

Цю Бодэн специально проверял список учеников школы и, не найдя этого имени, рассчитал, что до его собственной смерти ещё целых восемьсот лет. Если он правильно помнил, герой встал на путь совершенствования, чтобы расследовать правду об уничтожении города, в котором он жил в юности.

Во дворе Цзо Юэшэн подмигнул Лу Цзину.

— Матушка, сын ваш непутёвый, я иду к вам! — Лу Цзин, окончательно отбросив всякий стыд, потащил Е Цана за собой к стене.

— Ты хочешь убиться — убивайся сам! Зачем меня тащить?! — в отчаянии закричал Е Цан.

— Стой! Я! Помогу!

Цю Бодэн, вернувшись к воротам, безэмоционально смотрел на живого и полного энергии одноклассника Е.

Значит, город, который будет уничтожен в одну ночь...

Это город Фу?

И меч Тайи принёс его в такое «замечательное» место?

Погода портится. Пора плавить меч.